Русская Библіотека.

№ 9.

Проф. И. И. Янжулъ.

ВОПРОСЪ

О

ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ВМѢШАТЕЛЬСТВѢ

ВЪ ОБЛАСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Рабиновича и Ц. Крайза. Торговая 17.
1895.

| ПРОВ. |

2251
16

Дозволено цензурою, Одесса, 10 марта 1895 г.

199846.

Вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ въ область промышленности.

Государственное вмѣшательство въ область промышленности можетъ выражаться, *во-первыхъ*, въ мѣрахъ къ споспѣшествованію и поощренію развитія промышленности; *во-вторыхъ*, въ мѣрахъ, имѣющихъ своей задачей регулированіе наличныхъ условій промышленности въ интересахъ общаго блага,— этой высшей конечной цѣли существованія самого государства. Отсюда очевидно, что эти мѣры имѣютъ *положительный* характеръ, когда государство стремится тѣми или иными способами и проявленіемъ своей власти развить или поднять ту или иную отрасль промышленности или спеціальные интересы лицъ ею занимающихся, или же—характеръ *отрицательный*, когда государство путемъ запрещеній или дозволеній старается измѣнить настоящія условія промышленнаго труда въ томъ или иномъ направленіи.

Въ виду такой постановки для насъ является необходимымъ разрѣшить принципіальный вопросъ,

во-1-хъ, по какому праву государство беретъ на себя рѣшеніе столь обширныхъ задачъ; во-2-хъ, будетъ ли соотвѣтствовать такой образъ дѣйствій общимъ интересамъ народа, и, наконецъ, въ 3-хъ, какія причины и какимъ путемъ привели государство къ созданію этой особой отрасли законодательства?..

Промышленная дѣятельность есть одинъ изъ видовъ труда, имѣющихъ своей задачей добываніе матеріальныхъ благъ; но если мы обратимся къ практической жизни, то сейчасъ же увидимъ что, по общему правилу, наилучшимъ регуляторомъ всякой успѣшной дѣятельности является свобода дѣйствія и самоинтересъ. Прежде всего, въ выборѣ рода дѣятельности никто не можетъ быть лучшимъ судьей, какъ лицо посвящающее себя тому или иному занятію; никто иной не можетъ лучше опредѣлить, конечно, его наклонности, вкусы и способности, а слѣдовательно и примѣнимость его труда къ данному дѣлу; никто иной не можетъ лучше заботиться объ его интересахъ и выгодахъ, какъ опять таки онъ самъ. Всегда предполагается по общему правилу, что никто себѣ не врагъ, и слѣдовательно не вступитъ въ такой договоръ съ другимъ лицомъ, который очевидно для него невыгоденъ, и не возьмется за трудъ, который наноситъ явный ущербъ его здоровью и его правамъ на сносное физическое и духовное существованіе. Таковы обычные выводы изъ наблюденій и рутины ежедневной жизни.

Но въ такомъ случаѣ, если эти наблюденія вѣрны и извѣстная свобода дѣйствій является необходимымъ условіемъ успѣшности человѣка въ промышленномъ трудѣ, то возникаетъ невольный вопросъ: почему же и для чего законодательство считаетъ должнымъ вмѣшиваться въ область промышленности со своими правилами, запрещеніями и указаніями? Не исказитъ ли оно свободное направленіе моего труда и тѣмъ парализуетъ мою предпріимчивость и дастъ ей ложный и невыгодный для меня ходъ? Итакъ, при первыхъ же шагахъ въ обсужденіи задачъ промышленнаго законодательства мы приходимъ къ заключенію о необходимости предварительнаго посильнаго разрѣшенія вопроса—о правѣ государственнаго вмѣшательства, съ одной стороны, и о правѣ каждаго индивида на свободу своихъ дѣйствій—съ другой. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ области государственнаго права: исторія государственнаго вмѣшательства составляетъ лишь одинъ отдѣлъ роста и развитія государственной власти вообще, а экономическая свобода дѣятельности является тѣсно связанной съ исторіей политической свободы, и чтобы уразумѣть истинное значеніе этого вопроса, намъ необходимо бросить бѣглый взглядъ на общій историческій ходъ развитія власти.

Въ древнемъ мірѣ, у грековъ и у римлянъ, государство крайне разнится отъ настоящаго. У нихъ не было промышленности, столь могуче развитой въ настоящее время, и значительная часть сравнительно

несложныхъ потребностей удовлетворялась трудомъ рабовъ. Война и политика—вотъ почти единственное занятіе древнихъ римлянъ. Средняго класса, въ рукахъ котораго нынѣ сосредоточена промышленная дѣятельность, тогда не существовало, и объ экономической свободѣ не могло быть рѣчи, да и вообще свобода въ древнемъ мірѣ была привилегіей, а вовсе не правомъ. Государство является всемогущимъ господиномъ всѣхъ гражданъ, и это особенно выразилось наглядно въ императорскій періодъ римской исторіи, когда въ рукахъ цезаря, какъ представителя демократіи и вѣчнаго трибуна плебса, очутилась вся власть, точнѣе весь произволъ, принадлежавшій народу. Все сосредоточено было въ рукахъ императора—армія, финансы, религія, воспитаніе, правосудіе и т. д., включая собственность и жизнь каждаго изъ гражданъ. При жизни цезарь былъ Numen, божество покровительствующее; послѣ жизни становился Divus, однимъ изъ геніевъ охранителей имперіи. Единственнымъ источникомъ закона или права, какъ объясняли юристы въ III вѣкѣ, является воля императора: quod principi placuit, legis habet vigorem. *)

Въ средніе вѣка, минуя первыя времена варварскихъ нашествій, когда сложилась феодальная система, вся почти Европа представляется раздѣленною на множество административныхъ единицъ,

*) См. Ed. Laboulaye: L'état et ses limites. Paris 1868.

каждая со своимъ барономъ или сеньоромъ во главѣ. Каждый баронъ является владѣльцемъ своей земли, вождемъ во время войны, судьей во время мира. Значительная часть народа превращена въ крѣпостныхъ; сравнительно немногочисленные городскіе жители замкнуты въ мѣстахъ своего поселенія въ цехи, гильдіи, корпораціи съ цѣлью защитить себя и охранить отъ произвола всесильныхъ бароновъ; о свободѣ личной для большинства и о свободѣ экономической дѣятельности, при строго замкнутыхъ цехахъ, не могло быть и рѣчи. Королевская власть, опираясь ни симпатіи части народа, старается уничтожить могущество феодаловъ, а имъ въ этомъ случаѣ дѣятельно помогаютъ юристы, выдвигая на сцену принципы римскаго права. Ихъ естественнымъ идеаломъ является римское государство съ единствомъ власти и равенствомъ всѣхъ подъ рукой одного монарха. Послѣ трехъ вѣковъ упорной борьбы, за исключеніемъ одной лишь Англіи, гдѣ исторія сложилась нѣсколько иначе (такъ какъ тамъ бароны въ борьбѣ съ королемъ вступили въ союзъ со всей землей), война противъ феодализма кончилась побѣдой королевской власти, и въ значительной части Европы къ XVII вѣку, напримѣръ, мы уже видимъ признаніе старой римской максимы: si veut le roi, si veut la loi. Наилучшимъ выраженіемъ этой абсолютной мощи является Людовикъ XIV и знаменитый его современникъ, представитель теоріи богословскаго абсолютизма, епископъ Боссюэтъ.

Но вотъ, мало по малу начинается новая реакція: раззореніе и отягощеніе массы народа во многихъ странахъ, сильное и быстрое развитіе промышленности—какъ результатъ великихъ техническихъ изобрѣтеній въ XVIII в., невозможность для ея новыхъ фабричныхъ формъ уложиться въ старыя узкія рамки ремесленнаго цеховаго строя, наконецъ ростъ и богатство окрѣпшаго повсюду средняго класса,—требуютъ новыхъ формъ политической и экономической жизни. Вмѣсто прежняго разнообразнаго мелочного вмѣшательства государства въ эпоху меркантильныхъ теорій XV, XVI, XVII в.в., выдвигаются новыя ученія, наоборотъ—отрицающія всякое вмѣшательство. Естественно при этомъ, одна крайность родитъ другую, и полная свобода экономической дѣятельности быстро признается единственной зиждительной силой всего человѣческаго прогресса. За государствомъ не оставляется больше никакой заботы о подданныхъ, кромѣ охраны ихъ правъ и личности, а крайности проявленій абсолютизма Людовика XIV переходятъ въ кровавые эксцессы французской революціи.

Главнѣйшимъ представителемъ и апостоломъ новыхъ идей въ XVIII в., наиболѣе притомъ сдѣлавшимъ для ихъ распространенія и популярности—былъ знаменитый Адамъ Смитъ.

Принципы его системы свободной конкурренціи находятся въ тѣсной связи съ духомъ и настроеніемъ этого вѣка. Во всѣхъ образованныхъ странахъ тог-

дашней Европы среднее сословіе громко заявляло требованіе на расширеніе своихъ политическихъ правъ; скептическое отношеніе къ существовавшимъ учрежденіямъ и стремленіе къ широкой индивидуальной свободѣ составляютъ характерныя черты эпохи; братство, равенство, свобода служатъ лозунгомъ времени, господство разума, вѣротерпимость, свобода пзслѣдованія, презрѣніе къ государственному произволу являются исходными точками всѣхъ господствующихъ стремленій.

Сообразно пмъ построены и воззрѣнія Смита: экономическая дѣятельность. свободная отъ всякихъ ограниченій; трудъ, свободный отъ всякой регламентаціи; промышленность и торговля, свободныя отъ всякой опеки и предоставленныя исключительно частной иниціативѣ. Какъ необходимое заключеніе, изъ этихъ посылокъ выводится отрицаніе всякихъ монополій въ широкомъ смыслѣ, отрицаніе корпорацій, цеховъ, таксъ, уничтоженіе всякихъ торговыхъ запрещеній, какъ и поощреній, и вообще всякаго государственнаго вмѣшательства.

Описанныя возрѣнія А. Смита являются естественнымъ логическимъ послѣдствіемъ изъ той исходной точки, которая стоитъ во главѣ его разсужденія, — отожествленія индивидуальныхъ интересовъ съ общенародными. Государство въ глазахъ Смита есть не что иное, какъ простая связь индивидуальныхъ интерес овъ; государственное богатство—не что иное, какъ простая совокупность частныхъ богатствъ.

Но въ обыденной жизни существуетъ отожествленіе богатства со счастіемъ, благополучіемъ человѣка, и бѣдности—съ несчастіемъ. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, промышленная дѣятельность каждаго лица совершается тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ она свободнѣе, чѣмъ она менѣе искажается ограниченіями посторонняго вмѣшательства. Изъ этихъ двухъ посылокъ самъ по себѣ вытекаетъ выводъ, дѣлаемый Смитомъ и повторяемый всѣми его послѣдователями. Богатство страны или народа слагается изъ различныхъ богатствъ отдѣльныхъ индивидовъ, и слѣдовательно національное богатство — оно же благополучіе или благосостояніе народа — должно расти по мѣрѣ того, какъ каждый индивидъ прибавляетъ нѣчто къ тому, чѣмъ онъ владѣетъ. При этомъ каждое ограниченіе составляетъ препятствіе къ пріобрѣтенію человѣкомъ богатства, и онъ всегда выиграетъ, избѣгая его. Отсюда, всякое законодательное вмѣшательство дѣйствуетъ, какъ помѣха народному благосостоянію, и должно быть отвергнуто здравой политикой. Согласно этому воззрѣнію, у Смита и всѣхъ позднѣйшихъ экономистовъ его школы значеніе государственной власти крайне умаляется и почти низводится до нуля. Ей оставляется одна охранительная функція. По Смиту, на государствѣ лежатъ исключительно только три обязанности: 1) защищать страну отъ непріятельскаго нашествія, 2) отправлять правосудіе, 3) содержать

такія учрежденія, которыя внѣ достиженія частнаго предпріятія *).

Воззрѣнія А. Смита на задачи государства относительно экономической дѣятельности до середины нынѣшняго столѣтія можно считать господствующими и общепризнанными. Всѣ важнѣйшіе экономисты и даже государственные люди держатся ихъ, за немногими лишь исключеніями: чѣмъ меньше государство вмѣшивается въ промышленность и торговлю, тѣмъ лучше, тѣмъ быстрѣй эти отрасли человѣческой дѣятельнсти развиваются, государство богатѣетъ, и съ этимъ увеличивается и народное благосостояніе. Laissez faire, laissez passer—вотъ магическая формула т. н. манчестерской партіи, могущество которой подорвано лишь за послѣднія тридцать лѣтъ.

Обратимся же къ критикѣ этихъ воззрѣній и постараемся, тѣмъ самымъ, выяснить обязанности и цѣли современнаго государства по отношенію къ промышленности.

Исходный пунктъ А Смита—отожествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными—представляетъ собою положеніе настолько слабое, что остается лишь удивляться, какимъ образомъ продолжительное время тѣхъ-же воззрѣній могъ держаться длинный рядъ экономистовъ.

На самомъ дѣлѣ, указанные интересы очень часто совпадаютъ, что и должно было способствовать заб-

*) И. Янжулъ: Англійская свободная торговля, Т I, стр. 154 и далѣе.

лужденію; но въ то-же время это совпаденіе весьма нерѣдко совсѣмъ не имѣетъ мѣста и интересы индивида и всего общества не только не тождественны, но даже бываютъ враждебны. Классическимъ примѣромъ, всѣмъ извѣстнымъ и всѣми признаннымъ, служитъ рубка лѣсовъ ихъ владѣльцами. Въ очень многихъ случаяхъ сведеніе лѣсовъ можетъ быть очень выгодной операціей для ихъ владѣльцевъ и крайне пагубной для интересовъ всего народа и государства и будущихъ поколѣній, если, напр., лѣсъ былъ расположенъ у истока рѣкъ или въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вновь вырости не можетъ и т. п.

Множество примѣровъ, подтверждающихъ то же положеніе, возможно привести изъ наблюденій надъ фабричнымъ трудомъ. Длинные сроки работы, доходящіе на нѣкоторыхъ фабрикахъ до шестнадцати часовъ, или, напр., ночной трудъ, могутъ безъ сомнѣнія, если требуется наибольшее количество выработки, а не качество продукта, оказаться весьма выгодными для предпринимателя и даже для кармана самого рабочаго; но, нанося въ то же время безспорно значительный ущербъ физическому здоровью рабочихъ, истощая силы и изнашивая организмъ, длинная и особенно ночная работа являются для народа и государства положительнымъ убыткомъ. Еще примѣръ. Устройство усовершенствованной вентиляціи и нѣкоторыхъ огражденій машинъ для предупрежденія несчастій можетъ обходиться владѣльцу фабрики весьма дорого и чрезъ то избѣгаться; но едва

ли кто будетъ спорить, что дурной воздухъ въ мастерской, сокращая жизнь рабочихъ, или неогражденные опасные механизмы, ежегодно уродующіе большое количество людей, могутъ обойтись для страны еще дороже и значительно перевѣсить ту затрату, какой бы стоило своевременное устраненіе всѣхъ означенныхъ бѣдствій.

По законамъ логики, чтобы отвергнуть положительное утвержденіе какого-либо наблюденія, достаточно привести даже одинъ фактъ, отрицающій положеніе; а, слѣдовательно, приведенные примѣры, число которыхъ притомъ легко можно-бы увеличить, даютъ намъ право исходный пунктъ ученія о невмѣшательствѣ—тожество интересовъ—счесть ложнымъ и несостоятельнымъ. Очевидно, что политика выгодности полной свободы дѣйствія для интересовъ отдѣльнаго индивида можетъ совсѣмъ не примѣняться или даже вовсе противорѣчить интересамъ всего народа или государства. По той же причинѣ приходися отвергнуть и другое указанное положеніе Смита—отожествленіе богатства народа, какъ цѣли всей экономической политики, съ его благосостояніемъ и благополучіемъ.

Достаточно для этого привести одинъ примѣръ: интересу наибольшаго производства и, слѣдовательно, болѣе быстрому росту богатства страны всего скорѣе отвѣчаютъ крупныя формы промышленности; между тѣмъ, въ интересахъ именно общаго блага, въ смыслѣ большаго благосостоянія массы народа,

государство можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ предпочесть поощреніе и содѣйствіе мелкимъ формамъ ея,—кустарной и ремесленной, жертвуя такимъ образомъ быстрымъ ростомъ капитала болѣе равномѣрному распредѣленію его въ народѣ; и примѣръ такой политики мы встрѣчаемъ повсюду.

Но, помимо невѣрности этого исходнаго положенія принциповъ свободной конкурренціи, противъ начала невмѣшательства можно представить и другіе аргументы, не менѣе убѣдительные. Такъ, если обратиться къ аналогіи, то мы увидимъ, что въ настоящее время не существуетъ абсолютныхъ правъ и всякое право подвергается со стороны государства тѣмъ или инымъ ограниченіямъ, не вызывая между тѣмъ на себя никакихъ нареканій и являясь лишь результатомъ современнаго соціальнаго строя. Самый характерный примѣръ, это—налоги, которые безъ сомнѣнія составляютъ ограниченіе права всякой собственности, такъ какъ никакого прямаго эквивалента плательщики налоговъ за свое пожертвованіе не получаютъ. Если, затѣмъ, взять отдѣльные виды собственности, то случаи ограниченія можно умножить до безконечности.

Возьмемъ, напр., хоть владѣніе недвижимой собственностью: никто не можетъ отказать въ продажѣ своей земли подъ желѣзную дорогу, если она имѣетъ концессію отъ правительства,—иначе желѣзная дорога пріобрѣтетъ ее путемъ экспропріаціи безъ согласія владѣльца; никто, напр., не имѣетъ права въ

городѣ сжечь свой собственный домъ, хотя бы даже и не произошло черезъ это пожара сосѣдямъ; никто не имѣетъ права построить жилище свое такимъ образомъ, чтобы заслонить сосѣднему дому свѣтъ или усилить для него опасность отъ пожара; никто не имѣетъ права въ собственномъ домѣ производить стукъ, дымъ или испаренія, которые бы нарушали покой и интересы его сосѣдей... Во всѣхъ этихъ частныхъ случаяхъ законъ вмѣшивается въ свободу дѣйствія и ограничиваетъ ее *).

Но возьмемъ для примѣра другое право, ненарушимость котораго еще болѣе, повидимому, безспорна,— право человѣка на свой личный трудъ. Но и тутъ опять таки существуетъ масса исключеній: рекрутчина, дорожныя повинности и т. д., гдѣ государство, въ силу своего верховнаго права, отнюдь не справляясь съ желаніемъ даннаго лица, даетъ его труду, часто на довольно значительное время, то или другое назначеніе по своему усмотрѣнію.

Вездѣ въ этихъ случаяхъ мотивомъ многочисленныхъ ограниченій свободы дѣйствій или правъ является—общее благо.

Но, разъ допустивши вмѣшательство государства въ такія священныя права, какъ право собственности, право на личный трудъ,—нѣтъ основанія ставить въ исключительное привилегированное положеніе и промышленность, какъ скоро является на сцену тотъ

*) См. Анг. Своб. торговля, Т. II ст. 77.

же мотивъ—общая польза, представителемъ и оцѣнщикомъ которой является вездѣ правительство. Приведемъ еще частный случай, представленный проф. Джевонсомъ. Положимъ, какое нибудь лицо роетъ глубокую яму или шахту, отыскивая каменный уголь и, не найдя его, оставляетъ отверстіе брошенной шахты непокрытымъ и даже, можетъ быть, замаскированнымъ травою или вѣтвями; не будетъ ли небрежность этого человѣка равносильна тому, какъ если-бы онъ разставилъ ловушку и капканы; не будутъ-ли всѣ сосѣди находиться подъ постояннымъ страхомъ, что кто-нибудь изъ нихъ или ихъ дѣтей попадетъ въ эту волчью яму и приметъ медленную и мучительную смерть? Вполнѣ естественнымъ и цѣлесообразнымъ является въ этомъ случаѣ со стороны государства, какъ то установляется еще старымъ англійскимъ обычнымъ закономъ, что всякій владѣлецъ такой брошенной шахты обязанъ засыпать ее или прочно оградить: интересъ владѣльца, разумѣется, вовсе не заключается въ томъ, чтобы заботиться о негодной брошенной ямѣ; между тѣмъ интересы *общаго блага* требуютъ отъ него этихъ расходовъ и навлекаютъ на него въ обратномъ случаѣ всѣ послѣдствія и отвѣтственность за могущія произойти несчастія. Тоже самое, напр., примѣняется и относительно небрежности въ постановкѣ паровиковъ или недостаточности огражденія машинъ *).

*) «The English Citizzen». W. Stanley Ievons: The State in Relation to Labour London, 1882. Стр. 2.

Всякое положеніе дѣйствующаго закона имѣетъ въ основаніи, по общему правилу, цѣлый рядъ наблюденій надъ ходомъ обыденной жизни, и прямое дозволеніе закономъ чего нибудь, или даже просто отсутствіе запрещенія выражаетъ собою обыкновенно предположеніе, что извѣстный порядокъ вещей влечетъ за собою большею частью извѣстныя послѣдствія. Лишь при оправданіи этого предположенія, означенное дозволеніе имѣетъ силу; при другихъ послѣдствіяхъ выдвигаются и другія нормы. Поясникъ примѣромъ. По всѣмъ дѣйствующимъ законодательствамъ родителямъ дается власть наказывать своихъ дѣтей и пріучать ихъ къ труду, въ строгомъ убѣжденіи и предположеніи, что родительская любовь является лучшей гарантіей ихъ хорошаго обращенія съ дѣтьми—и желанія имъ добра. Математически говоря, такое предположеніе имѣетъ, конечно, огромную степень вѣроятности и въ большинствѣ оправдывается. Но бываютъ случаи, какъ всякому извѣстно, когда это обращеніе принимаетъ жестокій характеръ—наказаніе переходитъ въ истязаніе; или, напр., жадность родителей поощряетъ ихъ отдавать дѣтей, въ виду соблазна ихъ заработкомъ, на непосильную для нихъ многочасовую, фабричную работу, гдѣ ихъ здоровье преждевременно надрывается и они не только не имѣютъ возможности получить какое-нибудь умственное или религіозное развитіе, но встрѣчаютъ даже, какъ это часто къ сожалѣнію имѣетъ мѣсто, прямое противодѣйствіе къ тому своихъ ро-

дителей. Очевидно, что предположеніе, лежащее въ основѣ признанныхъ закономъ родительскихъ правъ, въ данномъ случаѣ явно не оправдывается, а тѣмъ самымъ должно прекратиться и правительственное laisser faire; государство въ данномъ случаѣ вынуждено выступить во всеоружіи со своимъ вмѣшательствомъ—вразумить и покарать недостойныхъ и даже лишить ихъ, можетъ быть, самой власти вредить далѣе. Всѣ права и всякая свобода дѣйствія основываются на подобныхъ юридическихъ презумпціяхъ и имѣютъ силу лишь до тѣхъ поръ, пока оправдываются опытомъ. Разъ предположеніе оказалось ложнымъ, тѣмъ самымъ право свободы въ извѣстномъ отношеніи прекращается и выступаетъ государство со своимъ вмѣшательствомъ.

Итакъ, ясно, что въ извѣстныхъ случаяхъ государство не только имѣетъ право, но даже обязанность вмѣшиваться и налагать свое veto на свободу индивидуальной дѣятельности,—иначе государство нарушило бы свою охранительную и культурную функцію. Главная цѣль существованія государства и всего человѣческаго общежитія—высшее благо, высшее счастіе наибольшаго числа людей; и нѣтъ такого обычая, такого права, которое государство не должно бы было нарушить и уничтожить, если это вызывается требованіями общаго блага. Salus populi—suprema lex!—вотъ девизъ, которымъ государство должно исключительно руководиться въ своей политикѣ. Государство имѣетъ полное оправ-

данiе, проводя въ жизнь всякiй законъ, которымъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствiй прибавляетъ нѣчто къ суммѣ общаго счастiя.

Государству постоянно приходится имѣть дѣло съ коллизiей интересовъ и нарушать чье-нибудь право для осуществленiя права высшаго: оно всегда въ этомъ случаѣ обязано изъ двухъ золъ выбирать меньшее.

Сдѣланное добро есть наилучшее оправданiе государственнаго акта, при отсутствiи доказательства, что за этимъ послѣдуетъ равное или еще большее зло.

Такимъ образомъ, государству въ его отношенiяхъ къ промышленности слѣдуетъ держаться двухъ правилъ: во-первыхъ, вводя какое нибудь ограниченiе въ область промышленной дѣятельности, тщательно взвѣшивать предварительно свой актъ, провѣряя вѣроятныя послѣдствiя своего вмѣшательства съ помощью статистики и показанiй компетентныхъ людей, и во-вторыхъ, прежде нежели рѣшиться на какую-либо мѣру въ этомъ направленiи, необходимо, слѣдуя мудрымъ совѣтамъ Бэкона, произвести въ данномъ случаѣ опытъ, экспериментъ, и только послѣ его оправданiя новый видъ вмѣшательства сдѣлать постояннымъ. Приведемъ примѣры. Замѣчено, что работа съ фосфоромъ наноситъ вредъ здоровью; и вотъ государство, въ виду этого наблюденiя, обращается за совѣтомъ къ статистикѣ и гигiенѣ и получаетъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что обращенiе съ

фосфоромъ ведетъ къ страшной болѣзни—омертвенію костей и ихъ разрушенію,—но что несложные пріемы съ малой затратой денегъ (или замѣна обыкновеннаго фосфора аморфнымъ въ спичечномъ производствѣ) можетъ сдѣлать этотъ процессъ почти совершенно безвреднымъ. Очевиденъ путь, которому тутъ должно слѣдовать государство: оно вмѣшивается въ эту отрасль промышленности и налагаетъ на лицъ, работающихъ съ фосфоромъ, или на ихъ хозяевъ —обязаность принять всѣ необходимыя предосторожности для обезвреживанія опаснаго процесса. Государству здѣсь придется имѣть дѣло и бороться, весьма возможно, съ рутиной и невѣжествомъ самихъ рабочихъ, ради пользы которыхъ мѣра предпринимается, въ гораздо большей степени, нежели съ упорствомъ или разсчетами ихъ хозяевъ. Но разъ опытъ доказалъ спасительность и цѣлесообразность такой мѣры, правительство въ интересахъ общаго блага имѣетъ полное право налагать свою руку на свободу дѣйствій, отнюдь не останавливаясь соображеніями о ея неприкосновенности.

Въ самомъ дѣлѣ, свобода субъекта есть не что иное, какъ средство къ одной и той же цѣли—общему благу, а отнюдь—не самая цѣль, и разъ это средство оказывается негоднымъ для достиженія желаемаго, государство смѣло отбрасываетъ его въ сторону. Запугиваніе человѣчества „грядущимъ рабствомъ“, къ которому прибѣгаетъ въ своей книгѣ Гербертъ Спенсеръ, имѣло бы нѣкоторое зна-

ченіе лишь въ томъ случаѣ, если бы ему удалось доказать, что грядущее зло отъ государственнаго вмѣшательства выше и серьезнѣе того, которое произойдетъ нынѣ въ случаѣ его бездѣятельности... *) Но этого, надѣемся, никому не удастся доказать.

Помимо всѣхъ указанныхъ соображеній, существуютъ историко-соціальныя условія, дѣлающія необходимымъ вмѣшательство государства во всѣ виды промышленности. Это—слабость современнаго человѣка въ его индивидуальныхъ усиліяхъ и условіяхъ существованія, сравнительно съ человѣкомъ первобытнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ его примитивномъ состояніи потребности человѣка были несложны и способности къ удовлетворенію ихъ были просты и большею частью достигались личнымъ трудомъ, не прибѣгая къ чужой помощи. Но, чѣмъ болѣе человѣкъ развивался и увеличивались его потребности, тѣмъ болѣе онъ становился въ зависимость отъ другихъ людей. Сопоставьте, напр., образъ жизни большинства человѣчества въ средніе вѣка, не говоря о раннихъ періодахъ исторіи, и въ наши дни. Нѣкогда, а въ Россіи даже весьма недавно, каждая семья производила свою собственную пищу, дѣлала свое собственное платье, строила свой собственный домъ,

*) См. Гербертъ Сеенсеръ: Грядущее рабство. Спб. 1884. А также W. Stanley Ievons: The State in Relation to Labour. London. 1882. стр. 12 и 13.

а когда передвигалась, то употребляла для того опять таки свои собственныя средства. Сравните съ этой независимостью крайне сложную взаимность всего существованія жителей современнаго европейскаго города; они снабжаютъ себя пищей съ большею точностью, большимъ разнообразіемъ и обиліемъ, можетъ быть, нежели первые, но совершаютъ это лишь путемъ содѣйствія тысячи людей лично имъ неизвѣстныхъ. Даже воду, которую они пьютъ, и газъ, который употребляютъ для освѣщенія, они получаютъ часто довольно издалека посредствомъ сложныхъ механизмовъ, требующихъ постояннаго труда и бдительности многихъ людей. Они передвигаются со скоростью, неизвѣстною первобытному человѣку, но зато отдаютъ свою безопасность и жизнь всецѣло въ руки другихъ людей: разломанные рельсы, пьяный машинистъ причиняютъ гибель сотни людей единовременно. Самая возможность приложенія труда къ удовлетворенію потребностей, при современной промышленности, находится внѣ контроля индивида: современный рабочій на фабрикѣ есть лишь часть огромной машины,—часть, дѣйствіе которой во всякое время можетъ быть парализовано по причинамъ, находящимся внѣ его власти и внѣ его предвидѣнія.—Такимъ образомъ, благосостояніе каждаго дѣлается все болѣе и болѣ зависимымъ отъ благосостоянія всѣхъ, индивидъ болѣе и болѣе подчиняется обществу и, слѣдовательно, отдѣльно становится слабѣе, и опасности для его существованія растутъ вмѣ-

стѣ съ ходомъ цивилизаціи. Раздѣленіе труда и спеціализація его, столь важные для успѣха промышленности, влекутъ за собой въ то-же время новыя опасности для его существованія.

На огромной современной фабрикѣ каждый рабочій совершаетъ только одну операцію—часто всю жизнь, и больше ничего не знаетъ. Такая спеціализація, выгодная для интересовъ производства, но вредная для самостоятельности рабочаго, проходитъ черезъ всѣ отрасли промышленности и даже черезъ земледѣліе въ передовыхъ странахъ Европы. „Многіе ли фермеры нынѣ", спрашиваетъ извѣстный Генри Джоржъ: „умѣютъ владѣть цѣпомъ; многія ли жены фермеровъ съумѣютъ сдѣлать платье изъ собственной шерсти? многіе ли даже изъ нашихъ фермеровъ дѣлаютъ свое собственное масло или выращиваютъ свои собственные овощи?" *) Вообще, безпомощность человѣка съ его индивидуальными усиліями растетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда, и опасности для жизни и здоровья цѣлой массы людей отъ лицъ имъ часто совсѣмъ неизвѣстныхъ составляютъ характерную черту нашего времени; какой-нибудь ничтожный недосмотръ въ конструкціи паровика, напр., сработаннаго въ Англіи, можетъ повлечь за собой смерть нѣсколькихъ десятковъ русскихъ рабочихъ, а небрежность архитектора или даже ламповщика въ какомънибудь большомъ зданіи можетъ повести за собою смерть

*) Henry George. Social Problems, London 1884 стр. 4.

многихъ сотенъ людей. Такимъ образомъ, повторяю, съ ходомъ культуры человѣкъ все болѣе и болѣе нуждается въ помощи другихъ людей, въ помощи общества, въ помощи, слѣд., и вмѣшательствѣ представителей общества—государственной власти для обезпеченія себѣ удовлетворительнаго существованія.

Таковъ новый аргументъ въ пользу государственнаго вмѣшательства. Совокупность всего сказаннаго достаточна, чтобы допустить его необходимость и тѣмъ оправдать широкое воздѣйствіе государства на промышленность, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ слова, т. е. одинаково допускаются законодательныя мѣры, какъ поощряющія развитіе промышленности всей или отдѣльныхъ ея отраслей, такъ и сдерживающія вредныя проявленія этого развитія. Важнымъ и труднымъ вопросомъ при етомъ на практикѣ является установленіе должныхъ предѣловъ этого вмѣшательства, но данный вопросъ имѣетъ лишь условное разрѣшеніе, примѣнительное къ каждой отдѣльной странѣ сообразно степени ея промышленнаго развитія и характера всего строя. Важнымъ пособіемъ для этого является именно сравнительное изученіе промышленныхъ законодательствъ разныхъ странъ и ихъ исторій.